

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

Е. Н. Астафьева

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ» И «ГРАЖДАНСКОЕ» ВОСПИТАНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ П. П. БЛОНСКОГО И П. Ф. КАПТЕРЕВА

УДК 37(091)(470)“19”
ББК 74.03(2)6

В 1918 г. П. П. Блонский в статье «О воспитании в наши дни» и в 1921 г. П. Ф. Каптерев в статье «Педагогика и политика» обосновали приоритеты «человеческого воспитания» перед «гражданским воспитанием», а также педагогики перед политикой в деле образования.

Ключевые слова: институт воспитания; П. П. Блонский; П. Ф. Каптерев; «человеческое воспитание»; «гражданское воспитание»; педагогика и политика.

E. N. Astafyeva

“HUMAN” AND “CIVIC” EDUCATION IN THE PEDAGOGICAL HERITAGE OF P. P. BLONSKY AND P. F. KAPTEREV

In 1918 P. Blonsky in the article «About education nowadays», and in 1921 P. Kapterev in the article «Pedagogy and politics» justified reasonable priorities of «human education» to «civic education» and pedagogy to politics in education.

Key words: institute of education; P. Blonsky; P. Kapterev; «human education»; «civic education»; pedagogy and politics.

Требование необходимости воспитания человека, как человека, а не как гражданина в полном объеме было выдвинуто и обосновано Жан-Жаком Руссо (1712–1778) в романе-трактате «Эмиль, или О воспитании» (1762). По словам Г. Б. Корнетова, в этом произведении Ж.-Ж. Руссо «предложила проект воспитания, ориентированного не на особенности жизненных условий людей (национальных, сословно-классовых и т. п.), а соответствующего природе человека как такового»¹. Женевский мудрец предлагал воспитывать не добродетельного гражданина, не джентльмена, не гуманиста, не христианина, а человека. Идеализируя «естественное» состояние человеческого общества, Ж.-Ж. Руссо писал: «В естественном строе, так как люди все равны, то общее звание их — быть человеком; кто хорошо воспитан для своего звания, тот не может быть дурным исполнителем и в тех же званиях, которые связаны с этим. Пусть предназначают моего воспитанника к тому, чтобы носить саблю, служить церкви, быть адвокатом, — мне все равно. Прежде звания родителей природа зовет его к человеческой жизни. Жить — вот ремесло, которому я хочу учить его. Выходя из моих рук, он не будет — соглашаюсь в этом — ни судьей, ни солдатом, ни священником; он будет, прежде всего, человек, всем, чем должен быть человек, он сумеет быть, в случае надобности, так же хорошо, как и всякий

другой, и, как бы судьба не перемещала его с места на место, он всегда будет на своем месте. ... Следует ... видеть в нашем воспитаннике человека вообще — человека, подверженного всем случайностям человеческой жизни»².

Высказанная Ж.-Ж. Руссо точка зрения, хотя и вызвала бурную полемику, продолжающуюся вплоть до наших дней, но не получила широкого однозначного признания. Проблема, сформулированная Ж.-Ж. Руссо, особенно актуализировалась в условиях обострения политической борьбы и революционных потрясений, неизбежно порождавших стремление различных социальных групп и партий усилить свое влияние на подрастающие поколения, превратить воспитание в инструмент формирования требуемых «текущим моментом» ценностных ориентиров и поведенческих установок, сделать школу эффективным центром индоктринации детей и подростков.

Исключительно ярко эта проблема проявилась в России в эпоху революционных потрясений 1917 г. и последовавших за ними историческими событиями. В это время, как отмечает Г. Б. Корнетов, рядом отечественных педагогов «образование все более понималось как “человеческое” не в смысле противопоставления “воспитания человека” “воспитанию судьи, солдата, священника”, а в смысле “общечеловеческое” в противовес

¹ Корнетов Г. Б. Образование человека в истории и теории педагогики. М.: АСОУ; Золотая буква, 2006. 148 с. С. 59.

² Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / пер. с фр. // Пед. соч.: в 2 т. М.: Педагогика, 1981. Т. 1. С. 30–31.

партийному, государственному, национальному, религиозному, как крайне узким для проявления человеческой природы»¹. Особенно ярко эта точка зрения была заявлена П. П. Блонским и П. Ф. Каптеревым.

В номере 1—3 журнала «Свободное воспитание и свободная школа»² за 1918 г. Павел Петрович Блонский (1884—1941) опубликовал небольшую статью «О воспитании в наши дни»³. Статья датирована 9 ноября 1917 г. Эта статья резко диссонирует с общим настроением материалов, публикуемых в журнале, пропитанным духом социального и педагогического романтизма. В ней не чувствуется упоения революционным порывом, отсутствует восторг перед открывающейся перспективой светлого будущего. Наоборот, П. П. Блонский с ужасом размышляет о происходящем в России, задумывается о возможных чудовищных последствиях революционного насилия для детей, которые оказываются его невольными свидетелями и, тем более, участниками.

Свою статью П. П. Блонский начинает с общего описания ситуации и оценки, которая сложилась в результате идущей Первой мировой войны и начавшихся революционных преобразований в России. Он пишет: «Четвертый год культурные народы Европы занимаются убийствами,

грабежами и спекуляциями; девятый месяц граждане России осыпают друг друга площадной бранью и самой грязной клеветой, сажают друг друга в тюрьмы и, наконец, не удовлетворившись этим, начали расстреливать на улицах мирных городов и друг друга, и случайных обывателей. Для того, чтобы возмущаться всем этим, я уже одеревенел. Я слишком убежден в том, что современная европейская культура — пошлая, лживая и звериная культура. И только одна мысль утешала меня: вырастет новое поколение, создаст новое, лучшее будущее. Но гибнет и эта надежда»⁴.

Далее П. П. Блонский с ужасом рассказывает о создании в Галиции «малолетней шпионской организации». Взрослые подкупали русинских детей для того, чтобы те шпионили за своими земляками и выдавали их. Была создана специальная школа, призванная готовить «малолетних шпионов и предателей своих братьев на смерть».

Но в еще больший ужас П. П. Блонского повергли события, связанные с вооруженным захватом власти Советом рабочих и солдатских депутатов в Москве в конце октября — начале ноября 1917 г. (по старому стилю). Именно этим событиям, которые П. П. Блонский называет «гражданской войной», посвящена

¹ Корнетов Г. Б. Теория истории педагогики. М.: АСОУ, 2013. 460 с. С. 270.

² До 1918 г. журнал, издаваемый с 1907 г., назывался «Свободное воспитание».

³ См.: Блонский П. П. О воспитании в наши дни // Свободное воспитание и свободная школа. 1918. № 1—3. Ст. 137—140. [В журнале «Свободное воспитание и свободная школа» указываются не страницы, а столбцы].

⁴ Там же. Ст. 137.

основная часть статьи «О воспитании в наши дни»: «Всего лишь несколько дней, как стихла в Москве гражданская война. Много страшных впечатлений дала она, но из этих впечатлений для меня одно страшнее всех других. Маленькие подростки “красногвардейцы”, почти дети, из винтовок стреляли в людей, а другие люди называли за это этих несчастных подданных детей-убийц “молодцами”. Вооруженные дети обыскивали и арестовывали прохожих. До какого полного одичания должны дойти люди, чтобы делать своих детей убийцами и полицейскими! Для этих людей есть, однако, хотя немного оправдания: это темные люди. Но накануне гражданской войны ходили по гимназиям уже образованные люди и, с поощрения воспитателей, записывали подростков-детей в “белую гвардию”. Взрослые интеллигентные люди посылали тринадцатилетних детей “лазутчиками” в стан врагов. Что сделали эти “порядочные” люди с душою тех, кого учили уже в 13–14 лет стрелять в своих братьев, как охотник стреляет в дичь! И фантазия рисует кошмарную картину, как, по наущению взрослых, пуля подростка “белогвардейца” летит в грудь мальчика “красногвардейца” и наоборот. Каким нужно быть дикарем, чтобы ради тех ничтожных выгод, которые может дать помощь вооруженных детей, втягивать детей в убийства гражданской

войны! Но даже не это леденит сейчас сердце. ... Я уверен в том, что родители, учителя и воспитатели, люди с взрослой, то есть мертвой совестью, промолчат и не возмутятся всем этим “обыденным”. Я уверен, наконец, и в том, что наиболее одичалые из педагогов поспешат оправдать и прославить подобное “воспитание” детей. Я уверен в этом, так как я живу в Европе 1917 г. среди борцов за “идеальное” будущее России»¹.

П. П. Блонский увидел в стремлении использовать различными политическими силами детей и подростков для достижения собственных целей в ходе революционной борьбы дикость, калечащую молодые души, что делало для него одинаково отвратительными и белогвардейцев, и красногвардейцев. Это заставило П. П. Блонского со всей остротой поставить вопрос о педагогических последствиях вовлечения подрастающих поколений в политику. Ответить на этот вопрос он попытался в следующем номере журнала «Свободное воспитание и свободная школа» в статье «Гражданское или политическое воспитание?»², которая датирована 1 января 1918 г.

«Всегда и везде проповедь человечности была высшей педагогической мудростью ... Так учат великие педагоги»³, — заявил П. П. Блонский, начиная свою статью. Свою позицию он подкреплял ссылками на авторитеты Платона, Аристотеля, Плотина,

¹ Там же. Ст. 139–140.

² См.: Блонский П. П. Гражданское или человеческое воспитание? // Свободное воспитание и свободная школа. 1918. № 1–3. Ст. 79–88.

³ Там же. Ст. 79, 80.

Я. А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, В. Г. Белинского, Н. И. Пирогова, Л. Н. Толстого. «Великие педагоги, — писал П. П. Блонский, — единодушны: их высший идеал — человек, как образ Бога живого. Но большинство современных педагогов забыло великие слова великих учителей и пыгается построить воспитание на совершенно иных основах. И, строя воспитание на иных основах, эти педагоги, отступники от вечных педагогических идеалов, самоуверенно заявляют, что их лозунг — самые лучшие, самые нужные, даже самые прогрессивные. Воспитание гражданина — вот модный современный педагогический лозунг»¹.

Стремление политизировать воспитание, политизировать школу, по мнению П. П. Блонского, присуще государству и партиям. «Еще не покрылась давностью фраза, что главная задача школы — создать верноподданных его величества, — отмечал он, — но бедная русская школа и сейчас продолжает служить не своему Богу, не Богу человечности. Фраза: “надо создать из детей граждан”, звучит на всех перекрестках педагогической улицы, а фраза: “надо из детей сделать людей”, почти не слышать. Но так как в понимании “истинного гражданина” политические партии неизбежно расходятся, то столь же не-

избежно гражданское воспитание на практике превращается в партийное. До революции школа жила идеальной монархической партией, а сейчас, с одной стороны, мы имеем ряд ученических организаций, выносящих политические резолюции в духе к.-к. партии и агитирующих за “список № 1”², а с другой, читаем в газетах, как о чем-то нормальном, извещения о собраниях учащихся — гимназистов с.-р. партии³; наконец, крайне левая с.-д. партия (“большевиков”)⁴ организует “свои” кружки и мечтает о “своей” школе. Нормально ли это и насколько вяжется с воспитанием “человека?”⁵.

По искреннему убеждению П. П. Блонского «уже самая необходимость доказывать недопустимость партийного политического воспитания школьников вполне характеризует низкое состояние современной педагогики. Настоящий идеальный человек — человек со свободным критическим умом, терпимо, беспристрастно и честно относящийся к людям, с чуткой индивидуальной совестью. Но партийность — синоним догматизма и пристрастия: “партийный” убежден, что “его” партия абсолютно права, а “чужие” лгут, и для него его товарищи всегда оправдываемы, а “чужие” чуть ли не негодяи. “Разное” чужих убеждений и реклама своей партийной про-

¹ Там же. Ст. 81.

² Имеется в виду конституционно-демократическая партия (кадеты), которые на выборах в Учредительное собрание шли списком № 1.

³ Имеется в виду партия социалистов-революционеров (эсеров).

⁴ Имеется в виду Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) — РСДРП (б).

⁵ Блонский П. П. Гражданское или человеческое воспитание?... Ст. 81–82.

граммы, партийные перебранки, азарт озлобления и оговора соперников, “ловкие” приемы в агитации и споре — не портит ли все это ума, сердца и характера подростков? Я взрослый человек, пробыв некоторое время после революции в партии¹, не могу без ужаса перед собой вспомнить это, мы в этот омут страстей и догм тащим умственно и нравственно неокрепшего подростка!»².

П. П. Блонский был уверен, что всякая партия прежде всего борется за власть над народом, что за всякой партией тянется шлейф насилия, тюрем и смертей. Победа любой партии неизбежно порождает новое господство над народом и его ослепление. При этом вместо воспитания свободного, гуманного и искреннего человека воспитывается партийное политическое мясо. Он писал: «Говоря о гражданском воспитании, я сбился на партийное воспитание, потому что, по моему убеждению, по крайней мере, при современном положении вещей, одно неизбежно переходит в другое. ... Для всякого, озабоченного выработкой из детей граждан, идеальный гражданин — член его партии, и от “нейтрального” гражданского воспитания слишком явно для всех, кроме членов данной партии, веет партийностью. Но допустим возможность нейтрального гражданского воспитания. ... Я очень боюсь, что, если мы поставим основной целью воспитания воспитание граждан, мы воспитаем

людей, которые уже не смогут быть, прежде всего, людьми. ... Люди, прежде всего люди. “Какая мудрость может быть для нас вне человечности?” (Руссо). И к призыву стать в первую очередь гражданами я отношусь теперь с подозрением. Я боюсь, что этим призывом хотят заглушить во мне, как в человеке, человеческое»³.

П. П. Блонский высказывал убеждение, что существующие государства основаны на несправедливости и насилии, поэтому воспитание граждан таких государств не может быть высшей ценностью для человека. Он ставил вопрос о целесообразности воспитания гражданина идеального государства, основанного на справедливости и служащего идее высшего добра. «Но тогда — отмечал он — идеальным гражданином будет тот человек, кто “делает свое дело” в человеческом обществе, служа в меру своих сил и способностей, добру и справедливости. Иными словами, тогда идеальным гражданином будет всякий нравственный человек, и гражданское воспитание должно слиться с нравственным. Итак, или речь идет о гражданине справедливого государства, и тогда гражданское воспитание, как таковое, заменяется нравственным, или речь идет о специфическом воспитании гражданина данного государства, но тогда нравственность подчиняется политике. Хороший человек всегда будет хорошим гражданином в идеальном смысле этого слова, но

¹ П. П. Блонский примыкал к партии эсеров, с которыми порвал летом 1917 г.

² Блонский П. П. Гражданское или человеческое воспитание?... Ст. 82.

³ Там же. Ст. 83–84.

далеко не всякий гражданин, как бы не славословили его те, чьим интересам он, ослепленный и обездушенный, служит, будет хорошим человеком»¹.

Ратуя за приоритет человеческого начала, П. П. Блонский особо подчеркивал, что он вовсе не является противником гражданского воспитания. Он лишь выступает против обособления гражданства от нравственности и человечности. «Люди, будьте людьми, и вы будете самыми полезными гражданами!»², — восклицал он.

В заключении своей статьи, вновь ставя вопрос «Человеческое или гражданское воспитание? Педагогика или политика?», П. П. Блонский завершает ее следующими словами: «Современный человек-гражданин часто бывает далек от подчинения политики нравственным требованиям. Уподобляя себе своих детей, он сейчас, наоборот, и педагогику и нравственность подчиняет политике. Для этой же цели и современные педагоги, забыв вечно великие заветы великих педагогов, всегда и везде учивших о воспитании в человеке образа Бога любви, создали свою теорию воспитания в человеке гражданина современного мало человеческого общества»³.

Эстафету П. П. Блонского подхватил и продолжил Петр Федорович Каптерев (1849–1922), последовательно придерживавшийся либерально-демократических взглядов и в предреволюционное десятилетие примыкавший к партии кадетов. Не

принявший Октябрьской революции, попавший в немилость к большевистскому режиму, он, на излете своей жизни, опубликовал в конце 1921 г. в журнале «Педагогическая мысль» (№ 9–12) статью «Педагогика и политика». Если П. П. Блонский писал свой текст сразу после октябрьских революционных событий, происшедших в двух российских столицах, П. Ф. Каптерев обратился к проблеме гражданского и человеческого воспитания уже после окончания Гражданской войны в условиях, когда новая власть в полном объеме продемонстрировала свою разрушительную силу и стремление к идеологическому и политическому диктату, еще до конца не установившемуся, но уже ощущающемуся, как вполне реальная перспектива. В условиях провозглашения большевиками школы важнейшим инструментом построения нового общества П. Ф. Каптерев перевел обсуждаемую проблему в плоскость вопроса о возможности и необходимости политизации школы или превращения ее в организацию неполитическую.

П. Ф. Каптерев писал: «Все строго партийные взгляды более или менее односторонние, узкие, а потому неправильные; в них наука, истина, строгое объективное знание на втором и третьем плане, а на первом — служение партийному Богу путем постановки образования в духе и интересах партий, привитие партийных взглядов подрастающим поколениям, втирание

¹ Там же. Ст. 84–85.

² Там же. Ст. 86.

³ Там же. Ст. 88.

очков на мир и общественность с детства, своего рода иезуитизм. Школа сама по себе лишается политическими партиями значения и ценности, педагогика превращается в простую прислужницу партийной политики, педагог становится проводником политическо-партийных депеш, лишается всякой самостоятельности. Может ли настоящий серьезный педагог примириться с таким приниженным положением в своей науке, и себя самого лично? Очевидно, нет»¹.

Педагог, по мнению П. Ф. Каптерева, является служителем вечных законов развития человека и человечества. Школа не может быть прихвостнем политических партий. Основываясь на вечных законах развития человеческого организма, она стоит выше их. Истинный, Вечный Бог школы — наука о человеческой природе и ее развитии, которому она должна служить и поклоняться. П. Ф. Каптерев подчеркивал: «У педагога своя сфера деятельности, а у политика своя, педагогика неполитична по самому своему существу. Политик имеет в виду массы, а не личности. Народ, масса — многоголовое существо, постоянно изменяющееся вследствие отмирания старых поколений и нарождения новых. Личность при таком многочисленном, многомиллионном составе ничтожна, нуль, а для педагога она священна. ... Главный источник спасения рода человеческого политик видит в совершенствовании

экономических, политических и вообще разных внешних культурных условий, не особенно печалась об усовершенствовании человеческой природы. Педагог своей прямой, непосредственной и важнейшей задачей признает усовершенствование личности, а все внешние условия ее жизни считает имеющими второстепенное значение, следствиями коренного усовершенствования природы воспитуемых»².

П. Ф. Каптерев обращает внимание на то, что в числе основных человеческих свойств есть общественность, социальный инстинкт, который также подлежит непремennomu развитию, требующих педагогических усилий. Именно общественность человеческой природы связывает педагогику и политику, ибо педагог, служа всестороннему естественному развитию человека, должен служить и его общественно-политическому развитию. «Педагог, — утверждал П. Ф. Каптерев, — обязан развивать общественность в детях, но не обязан развивать ее в духе какой-либо определенной партии, даже более того, обязан не окрашивать общественность в цвет какой-либо партии. Иное дело общественность, а иное — политическая партия. Общественность — широкое свойство человеческой природы, есть потребность, способность к совместной с другими работе, к организации с другими, чувство благорасположения к людям»³.

¹ Каптерев П. Ф. Педагогика и политика // Каптерев / сост. П. А. Лебедев. М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2001. С. 211–216. С. 211–212. (Антология гуманной педагогики).

² Там же. С. 212–213.

³ Там же. С. 213.

Постановка образования в духе какой-либо политической партии виделась П. Ф. Каптереву частным, односторонним и чрезвычайно узким выражением общественности, как важнейшего свойства человеческой природы. Такое образование не развивает, а подавляет это свойство. Однако, считает П. Ф. Каптерев, педагог обязан «при достаточном возрасте учащихся, в связи с историко-политическими науками, ознакомить молодежь с задачами и сущностью политических партий, рассмотреть партийные взгляды критически, но совершенно беспристрастно, объективно, в строго научном духе. Какую партию нужно избрать — этот вопрос каждый должен решить сам для себя, по собственному разуму и усмотрению. Подсказывать решение такого важного вопроса, а тем более навязывать его учащимся — педагогу нельзя»¹.

Статьи П. П. Блонского (вскоре безоговорочно вставшего на сторону большевистской власти и пропагандировавшего классово-партийных подходов) и П. Ф. Каптерева были «гласом вопиющего» в пустыне российской революции. Брутальные политические силы сошлись в кровавой схватке, приведшей к Гражданской войне, победе большевиков, сталинскому террору, тоталитарному Советскому Союзу с его «единственно правильной» марксистско-ленинской идеологией, якобы выражающей интересы самого передового в мире класса. В этих условиях примат гражданского,

классово-партийного воспитания безусловно восторжествовал, стал единственно возможным, освященным мудростью руководящей и направляющей силы советского государства — Коммунистической партией. Воспитание верных ленинцев (сталинцев), строителей светлого коммунистического (социалистического) общества стало официально признанным приоритетом школы и педагогики в нашей стране на многие десятилетия. Политика победила и подчинила себе педагогику. Вопрос о соотношении гражданского и человеческого воспитания так же, как и вопрос о педагогике и политике, о политизации школы считался раз и навсегда решенным.

Однако последовательный гуманистический утопизм П. П. Блонского и П. Ф. Каптерева, выказанный ими при обсуждении рассмотренных проблем, со всей возможной остротой ставил как перед государственными, общественными и партийными деятелями, так и перед учеными, педагогическими мыслителями и учителями вопрос об ответственности за то, что происходит с воспитуемыми и обучаемыми детьми и подростками, со школами, как образовательными учреждениями, в условиях острой политической борьбы и революционных катаклизмов. Высказанная П. П. Блонским и П. Ф. Каптеревым точка зрения заставляла задуматься о последствиях «безбрежной» идеологизации и политизации воспитания, школы, педагогики.

¹ Там же. С. 214.

Список литературы

1. Астафьева, Е. Н. Восхождение к истории педагогики / Е. Н. Астафьева // *Academia: Педагогический журнал* Подмосковья. — 2015. — № 2. — С. 57–63.
2. Астафьева, Е. Н. Изучение педагогических конфликтов в контексте педагогического наследия прошлого / Е. Н. Астафьева // *Историко-педагогический журнал*. — 2016. — № 2. — С. 101–113.
3. Астафьева, Е. Н. Историко-педагогический контекст теории и практики современного образования / Е. Н. Астафьева // *Academia. Педагогический журнал* Подмосковья. — 2016. — № 4. — С. 56–68.
4. Астафьева, Е. Н. Ценности гуманизма как образ хорошей школы первой трети XX века / Е. Н. Астафьева // *Историко-педагогический журнал*. — 2016. — № 1. — С. 113–129.
5. Астафьева, Е. Н. Понимание воспитания в истории педагогики / Е. Н. Астафьева // *Теория образования и подготовка профессиональных кадров: история и современность* / под ред. Л. Н. Антоновой, Г. Б. Корнетова, А. И. Салова. — М.: АСОУ, 2016. — С. 14–19.
6. Астафьева, Е. Н. Природа и свобода ребенка в отечественной педагогике первой трети XX века / Е. Н. Астафьева // *Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: педагогические направления в теории и практике образования: материалы Одиннадцатой Международной научной конференции. Москва, 19 ноября 2015 г.* / редактор-составитель Г. Б. Корнетов. — М.: АСОУ, 2015. — С. 22–36.
7. Астафьева, Е. Н. Свободное воспитание в России в конце XIX — первой четверти XX века / Е. Н. Астафьева // *Историко-педагогический журнал*. — 2015. — № 2. — С. 80–99.
8. Блонский, П. П. Гражданское или человеческое воспитание? / П. П. Блонский // *Свободное воспитание и свободная школа*. — 1918. — № 1–3. — Ст. 79–88.
9. Блонский, П. П. О воспитании в наши дни / П. П. Блонский // *Свободное воспитание и свободная школа*. — 1918. — № 1–3. — Ст. 137–140.
10. Каптерев, П. Ф. Педагогика и политика // П. Ф. Каптерев; сост. П. А. Лебедев. — М.: Издательский дом Шалвы Амонашвили, 2001. — С. 211–216. (Антология гуманной педагогики).
11. Корнетов, Г. Б. Образование человека в истории и теории педагогики / Г. Б. Корнетов. — М.: АСОУ; Золотая буква, 2006. — 148 с.
12. Корнетов, Г. Б. Педагогика авторитета, манипуляции и поддержки / Г. Б. Корнетов // *Academia. Педагогический журнал* Подмосковья. — 2015. — № 3. — С. 46–56.
13. Корнетов, Г. Б. Педагогика свободного воспитания / Г. Б. Корнетов // *Свободное воспитание: хрестоматия* / сост. Г. Б. Корнетов. — М.: Изд-во РОУ, 1995.
14. Корнетов, Г. Б. Педагогика: теория и история / Г. Б. Корнетов. — 3-е изд., перер., доп. — М.: АСОУ, 2016. — 472 с.
15. Корнетов, Г. Б. Педагогические учения в историко-педагогическом процессе / Г. Б. Корнетов. — М.: АСОУ, 2015. — 260 с.
16. Корнетов, Г. Б. Постигание истории педагогики / Г. Б. Корнетов. — М.: АСОУ, 2014. — 152 с.
17. Корнетов, Г. Б. Теория истории педагогики / Г. Б. Корнетов. — М.: АСОУ, 2013. — 460 с.
18. Корнетов, Г. Б. Что такое образование / Г. Б. Корнетов // *Academia. Педагогический журнал* Подмосковья. — 2016. — № 3. — С. 48–54.
19. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании / Ж.-Ж. Руссо; пер. с фр. // *Пед. соч.*: в 2 т. — М.: Педагогика, 1981. — Т. 1. — С. 19–592.